

Валерий Тодоровский: «Кино надо делать честно, достойно и талантливо» | Valery Todorovsky: «One should make films honestly, nobly and with talent»

Автор: Азамат Рахимов, [Женева](#) , 18.12.2013.

Валерий Тодоровский в Женеве (© Miguel Bueno)

Мы продолжаем серию бесед с российскими режиссерами. На этот раз о своем взгляде на кино, его роль в настоящем и будущем, рассказал Валерий Тодоровский, чей сериал "Оттепель" совсем недавно вышел на российские телеэкраны.

| We continue the series of interviews with Russian directors. This time our guest Valery

Todorovsky, whose TV series «Thaw» was recently shown in Russia, talks about his perception of cinema and its role in present and future.

Valery Todorovsky: «One should make films honestly, nobly and with talent»

В сентябре 2013 года в Женеве и Лозанне прошел первый фестиваль постсоветского кино, который в качестве одного из гостей посетил режиссер Валерий Тодоровский. Мы воспользовались этой возможностью, чтобы поговорить с ним о последних тенденциях российского кинематографа и условиях его развития в будущем.

Наша Газета.ch: В Женеве и Лозанне прошли ретроспективные показы Ваших фильмов. Обычно такое воспринимается, как некий знак. Чувствуете ли Вы изменение своего статуса, какую-то серьезность?

Валерий Тодоровский: Я всегда говорил, что кинематограф – это не армия: тут нет чинов. Когда режиссеры начинают ощущать, что у них как-то меняется или растет статус, то это, конечно, признак конца. Последние 20 лет я снимаю фильмы, как Бог на душу положит. Я нахожусь в постоянном поиске того, что мне делать в следующем году. Вот это и есть основное состояние души. Хотя, если честно, мне приятно: я уже наснимал достаточно для того, чтобы это можно было показать в виде такой серии.

Вы анализируете то, что уже «насняли»? Прослеживаете какие-то особенности? Отмечаете изменения в эстетике?

Совсем нет. Это работа критиков, киноведов, очень увлеченных зрителей. Если это делает сам режиссер, то это тоже плохой признак. Начнем с того, что я вообще никогда не пересматриваю свои фильмы.

Никогда?

Никогда. Во всяком случае я не делаю этого специально. Бывало, что я случайно наткнулся на свой фильм по телевидению и мог сесть и досмотреть его до конца. Забавно посмотреть, что я делал лет 15 назад. У меня нет ощущения, что эти фильмы снимал я. «Любовь» (фильм 1991 года с Евгением Мироновым в главной роли - прим.ред) точно снимал какой-то другой человек. Мне любопытно узнать, каким человеком я был тогда. Но у меня нет ощущения своей значимости. Думаю, это так, потому что меня больше интересует, что будет потом, в будущем.

Так что же будет дальше?

Пока не знаю. Есть желания, они еще смутные и пока не совсем понятные. Есть какие-то мысли. Но видите ли, кино – это очень затратная форма самовыражения. Даже если придумываешь какой-то интересный проект, случается так, что тебе просто не хватает на него денег. По этой причине какие-то фильмы не состоялись, а некоторые из тех, что состоялись, были необязательными.

Как Вы себя ощущаете, когда по окончании работы фильм выходит на экраны?

Ощущение полного опустошения. Это состояние похоже на послеродовую депрессию у женщин. Ты живешь некий отрезок времени в очень большом напряжении: каждый день просыпаешься и понимаешь, что сегодня тебе надо снова прыгнуть выше головы. А потом вдруг просыпаешься, и тебе никуда не надо. Пропадает цель и возникает вопрос «Зачем жить дальше?» Но потом возникают новые истории и смыслы, и все начинается по новой. И опять процесс зачатия.

Продолжая Вашу метафору: после долгой и мучительной беременности плод наконец вырос и на свет родился ребенок. Вы оцениваете каждый новый фильм, или он для Вас настолько родной, что Вы не решаетесь смотреть на него критически?

Конечно, это делают критики. Что касается моих личных ощущений, то мне всегда требуется дистанция. Когда я делаю фильм, то это постоянные качели между «это что-то исключительное» и «это полная бездарность». Особенно это чувствуется на монтаже, когда просматриваешь отснятый материал. Это похоже на отношение родителя к ребенку: иногда он тебе кажется самым лучшим в мире, а когда он тебя достанет, начинаешь злиться.

Что для Вас важнее - процесс или результат?

Все, кто заняты работой в кино, думаю, получают удовольствие от процесса, но в какой-то момент важным становится результат. Мы же все-таки не тренировки в спортзале проводим. Потом бывает так, что получается совсем не то, что ты задумал – иногда лучше, иногда хуже. Но точно нечто другое. В любом случае тебе надо увидеть реакцию зрителей, посмотреть, воздействует твое кино или нет. Есть особый кайф, свое упоение в самом процессе, когда бросаешься в неизвестность и не знаешь, чем все это закончится. Ты только стремишься из этого выбраться, но что получится, не знаешь до самого конца. Все это время надо быть с оголенными нервами.

Это причины, по которым Вы любите кино. А есть ли что-то, чего Вы в кино не любите?

Нет, ничего такого нет. Иначе я бы этим не занимался. Есть огромное количество самых разных административных и финансовых сложностей, но это не то, за что кино можно не любить. Кино – такой вид деятельности, когда все против тебя – погода, железо, природа, техника, люди и масса всего остального. Можно сказать: «Я за этого не люблю кино». Но в этом преодолении и весь интерес кино. Это вид еще очень молодого и несерьезного искусства в сравнении с той же живописью. Оно еще только бегает в коротеньких штанишках, и ему еще расти и расти.

Российское кино еще более юное. Что ему нужно, на Ваш взгляд, чтобы оно нормально росло и развивалось в ближайшие десять лет?

Русское кино, как и вся Россия, – это постоянная история скачков и падений. То все резко и бурно растет, то все рушится, то возрождается. И каждый раз это происходит неожиданно. Кино очень завязано на технологиях. Это ремесло, для которого надо выращивать профессионалов. Если в течение ближайших десяти лет люди будут непрерывно делать кино, то есть шанс, что русское кино встанет на ноги, разделится на жанры – на зрительское кино, на арт-хаус. Все ниши будут заняты, а наши фильмы будут показывать по всему миру. Было выдающееся советское кино, но оно было очень изолированным, потом было перестроечное кино, потом массовое, сейчас набирает обороты патриотическое.

К последнему видимо относится и «Легенда №17», которую мы видели на [открытии](#) фестиваля KINO.

Мне кажется, это крайне удачный пример, хотя бы потому, что в подобных фильмах очень много лжи. В данном случае мы все-таки имеем дело с честным кино. Я сейчас не о правде жизни. Люди хотят гордиться, и хоккеистами можно гордиться.

И балетом.

Конечно. Это голливудская традиция: во многих больших фильмах есть тема «Мы гордимся своим народом», «Мы гордимся своими достижениями в спорте, в космосе и где угодно». Это нормально: Россия – большая страна, где кино является индустрией. Значит, должны быть и фильмы, которые бы объединяли людей в кинотеатрах по всей стране. И чувство гордости в данном случае отлично работает. Мы как зрители должны сорадоваться. Вопрос в том, что это надо делать честно, достойно и талантливо. А это трудно. Очень трудно.

В принципе, если кино дадут развиваться лет десять естественным образом, то все будет нормально. Все экономические кризисы очень негативно сказываются на естественном развитии. Если завтра вдруг объявят, что Россия – это другая страна, которая меняет свой путь, то кино, конечно, сразу же потеряет ориентиры и встанет.

Для развития кино нужно, чтобы зритель ходил в кинотеатры. В России развито пиратство, и многие предпочитают смотреть фильмы дома, пусть и в плохом качестве. Почему это происходит, ведь поход в кино – это все же совсем иной опыт?

Сейчас началась серьезная кампания против пиратства, и возможно, она принесет результат. Это важно, потому что речь идет о сотнях миллионов долларов.

Потом есть традиция: в Париже, например, люди ходят в кино. Это было и в СССР, а в начале 90-х эта традиция прервалась на 10 лет. В это время 70% кинотеатров превратились в салоны мебели, и это совпало с приходом в страну видеомagneтофонов. Эти две причины вместе нарушили традицию. Возникла пропасть. Вылетело поколение, которое и задается вопросом «А зачем?»

Также сегодня билеты в кино стоят слишком дорого для обычного зрителя: 350 рублей и больше. Такое далеко не каждый может себе позволить. А если ты хочешь прийти с девушкой, то это становится проблемой. Это дороже, чем в Нью-Йорке, где билет стоит 7-9 долларов.

В Швейцарии билет стоит 15-20 долларов.

Неужели ходят за такие деньги? Если показывать настоящее зрелище, то люди придут. Например, «Аватар». Но также время от времени людей объединяет чувство гордости. Как раз это и произошло с «Легендой №17». По этим причинам люди готовы ходить в кино, но это бывает не слишком часто.

Также в нашем менталитете присутствует понятие «халява»: один сайт закрывается, будут открываться другие. Все равно люди будут пытаться найти способ добыть фильм бесплатно. Хотя если сейчас начнут давить пиратов, интересно будет посмотреть, пойдут ли люди в кино.

Сегодня часто говорят о том, что «советское кино» могло собирать кинотеатры, а российское не может, потому что уступает в качестве. Что Вы думаете о такой оценке?

Когда говорят о том, что советское кино было очень хорошим, имеют в виду обычно три десятка самых лучших картин, которые накопились за 80 лет. А ведь в СССР ежегодно снималось что-то около 160 фильмов. И где они? К тому же тогда был совсем другой контекст: тут не показывали «Звездные войны», не было конкуренции с Голливудом. Зато стоило выйти на советские экраны индийскому фильму, как он тут же давал какие-то сумасшедшие сборы. А ведь это была очень слабая попытка подражать Голливуду. Что было бы, если бы показывали настоящее, качественное, глубокое мировое кино?

Создается впечатление, что в последние годы как раз глубокое и сложное кино становится все менее востребовано.

Психологические фильмы, сложное человеческое кино – все это ушло на телевидение.

И в России?

В Америке, например, уровень художественности больших сериалов класса «А» просто зашкаливает. То, что когда-то казалось недостижимым уровнем Коппола и Скорсезе, сегодня мы видим на телеэкранах. У телевидения есть на это деньги и возможности. И, конечно, есть зрители. Это уже не подростки, это аудитория, совсем отличная от той, что в массе своей смотрит «Трансформеров». Кино на телевидении начинает расцветать буйным цветом, и я считаю, что есть большие возможности.

Я могу объяснить, почему я об этом говорю с таким интересом. Моя последняя работа – сериал «Оттепель». Это мое личное авторское высказывание, но в форме двенадцати серий. Мне очень нравится такой формат, потому что в нем я чувствую себя гораздо свободнее. Я не особенно задумываюсь о том, развлекает это подростков или нет. Мне кажется, что режиссеры, которые хотят рассказывать человеческие истории, все больше и больше будут уходить на телевидение.

Это значит, что нас ждет принципиальная смена эстетики и смещение акцентов в сторону драматургии.

Конечно! На первый план выйдет текст, история. Просто потому, что телевизор не дает тех возможностей, что кинотеатр. Но зато ты можешь рассказывать настоящие важные истории большой аудитории. Это то, что сегодня крайне редко происходит

на больших экранах. Вся эта новая тенденция будет крайне успешна и с коммерческой точки зрения.

Больше о кино читайте в интервью с [Александром Сокуровым](#), [Павлом Лунгиным](#) и [Гарри Бардиным](#).

[Женева](#)

[кино в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Александр Сокуров о слабостях кино, стихии воли и личной ответственности](#)

[Павел Лунгин: «Кино - это бесконечное вранье в поисках правды»](#)

[Гарри Бардин: «В работе надо быть бескомпромиссным»](#)

Source URL: <http://nashagazeta.ch/news/peoples/16851>